

В Перми

Люди издавна знакомо печальное очарование, включаемое раскопками нечтунувших городов и обломками сметенных цивилизаций. Тысячи путешественников ежегодно пересекают океаны и материки, чтобы увидеть в Помпеи извлеченные из-под лавы обугленные хлеба, около 3000 лет пролежавшие в печи печарики, или омаменвшие страсти прикладо-расходной книги помпейского ростовщика. На уступах древних амфитеатров, среди развалин терм Каракаллы и руин римского форума волнует и тревожит то же ощущение пульса давно отавучавшей истории. Была, моя, жизнь, были города, была культура — и ничего не стало...

В нашей стране — единственной в мире — путешественнику дана возможность пережить эмоции противоположного порядка. «Что было в этом здании до революции?» — спрашивает турист, заброшенный на Урал, в Сибирь или за Полярный круг. Местные жители посмеиваются: «Пять лет тому назад на месте этого здания, как и на месте всего нашего города, был густой лес. Был лес — вырос город. Была тундра — возник грандиозный комбинат. Были дача, пустыня, сонная заводь, нищие деревни, а теперь пришла настоящая жизнь.

Когда в Пермь попадает приезжий, знавший ее до революции, он ошалево протирает глаза. Где прежняя Пермь, пышнотелая и сытая в центре, грязная, темная и пьяная на окраинах? По ее улудинам, расчищаемым снегоочистительными грейдерами, озабоченно скуют автомобили, грузовики и автобусы, бегут вагоны трамвая, на месте осененного «Черного рынка» разместились школы, техникумы, вузы, музеи и библиотеки. Вместо прежнего «Козьего валоча» — небольшого сквера возле набережной, где по вечерам флиртовали над Камой барышни с аристократичными чиновниками, сейчас разбит благоустроенный Парк культуры и отдыха. Около Перми строятся гигантский город книги, намечается открыть курорт на месте недавно обнаруженных богатейших источников сероводородных вод. А в бывшей Мотовалихе мы смотрели Шекспира.

Театр переполнен молодежью. Людей старше 30 лет очень немного. И вся эта толпа, веселая и шумная в атрактах, с восторженным сердцем смотрит спектакль, который играет — один человек. Это спектакль Вагнера Папазяна «Отелло». Если бы мне сказали, что труппа, играющая с Папазяном, случайно застряла в пути из-за снежных завалов и потому с ним сегодня играют местные кружковцы, я бы не поверила: кружковцы играют обычно свежее и острее, и на их игре не бывает таких застарелых моволод актерского штампа и равнованой бевкусности. Нет, с Папазяном играет «ассамблея московских драматических артистов». Но силу громадного таланта и высокой актерской культуры Вагнера Папазяна не только составляет зритель забыть убожество его атрактура, — он делает больше: он играет за них. Мы верим в Дедемоню, хотя ее нет в спектакле, потому, что мы видим, как любит ее Отелло-Папазян. Через его замечательную игру мы понимаем, как умна и чутка эта девочка Дедемона, если, наперекор воспитанию и среде, она предпочла его, чужого, ватным венецианским бедельянкам и полюбила его — не «за муку», как уверяет Вейнберг, и не «за бранный труд», как того хочет Анна Радлова, а за то, что он — единственный в ее окружении человек с благородной, героической и мужественной биографией. В спектакле нет и Яго, но мы воспринимаем и его через то, как страдает из-за него Отелло-Папазян. Зритель пребывает в Шекспиру, хотя играет его, конечно, только один Папазян, — Дедемона играет свискающую жену из водевиля «Теща в дом, все верх дном»,

Родриго — Разливяева из «Бедность не порок», а Бьянка — разубабиный сабуровский фарс. Но Папазян играет не только за актеров, но и за отсутствующего в спектакле художника, — никто не удивляется единственному стулу, багариному за Отелло, как собачка, из двора дождя на террасу кипрской виллы и в спальню Дедемоны. Никто не смеется над «впечатлительной» колонной, шатающейся от волнения над трупом Дедемоны. Никто не возмущается тем, что Яго позволяет себе играть без парика. Поверив Папазяну-Отелло, зритель верит всему и все прощает. А прощать все-таки пожалуй, не следовало бы... Нельзя прощать того, что система старорежимной культуры отнимает у нас наслаждение таким спектаклем, где бы великодушный талант Папазяна не растрачивался на покрытие убожества его атрактура, а сверкал, усиленный достойными партнерами, оформлением и музыкой.

Театральная афиша Перми разнообразна. Вместо одного театра, как это было до революции (полсезона — опера, полсезона — драма, летом — закрыто), сейчас в Перми несколько театров. В городском театре — опера (репертуар — «Броненосец Потемкин», «Фауст», «Кармен» и др.), в Мотовальском — оперетта («Корневильские колокола», «Роз-Мари», «Холопка», «Свадьба в Малиновке»). Имеется, наконец, и драматический театр, о котором необходимо поговорить особо.

Драматический театр поистине героически борется за жизнь, но уверенности в том, что он эту жизнь отстоят, у него нет. Проработав 6 лет в Мотовальском театре, драматический коллектив был почему-то лишен помещения, а затем, когда он очутился на улице, его обескровили тем, что вывели из его состава целый ряд опытных, способных актеров, распределив их по другим театрам области. После этого драматический коллектив был предоставлен своей счастливой звезде. Счастливая звезда была пока не оправдала, но выносливость работников этого много-страдального коллектива оказалась поистине замечательной. Они не растерялись, не бросили работы, наоборот, они дополнили свой поредевший состав новыми актерами и в труднейших условиях, без помещения и материальной базы, подготовили и выпустили уже несколько спектаклей. В настоящее время они играют 15 спектаклей в месяц в клубе паровозо-ремонтного завода (сцена — даже не блюдечко, а наперсток!), 5 спектаклей в месяц — в клубе завода им. Сталина и 5 — в помещении Оперного театра (в выходные дни оперных работников), 12 февраля в театре еще не было выплачено жалование за январь, а также не было еще уплачено за дорогу до Перми некоторым актерам, приглашенным с осени. И тем не менее в этих труднейших условиях коллектив работает, выпустил «Отчужденку», «Последнюю жертву», с увлечением работает над «Семлей» и «Броненосцем», полон энергии, планов и надежд!

Может быть, жители Перми равнодушны к драме? Нет, спектакли драматического театра идут при переполненном зале. Более того: большинство заказов пермских любителей включает пункт о необходимости обеспечить Пермь драматическим театром. Пермь любит драму, но зато Областное управление по делам искусств к драме равнодушно.

На совести этого управления есть еще «дл на жертва». В Перми неплохой детский театр, но его закрыли. Кто в этом виноват, неизвестно. Но абсолютно ясно, кого выказали: десятипятнадцатую армию пермских школьников, оставшихся в результате без театра.